Вера Калмыкова

В. Я. БРЮСОВ, «ИСПЕПЕЛЁННЫЙ. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОГОЛЯ»: ЯЗЫК ОПИСАНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ ОПИСЫВАЕМОГО

Доклад Валерия Яковлевича Брюсова «Испепелённый. К характеристике Гоголя» был впервые прочитан на торжественном заседании Общества любителей российской словесности (апрель 1909 г.), посвящённом дням Гоголя в Москве, а позже напечатан как статья[1] и вскоре дважды был издан самостоятельно (1909 г., 1910 гг.).

Доклад состоял из двух частей. В первой доказывалось, что художественный метод Н.В. Гоголя не предполагает точного воспроизведения действительности, во второй – что Гоголь в жизни был склонен к гиперболизации всего с ним происходящего и что эта особенность в конечном счёте и свела писателя в могилу. Жизнью и творчеством Гоголя равно управляла, по Брюсову, единственная сила – сила воображения, являвшаяся и креативной (в творческом плане) и деструктивной (в жизненном). Брюсов трактует Гоголя – творца и человека – по жизнетворческой модели, органичной для литераторов рубежа XIX – XX веков. «В мистической экзальтации Гоголь только шёл до конца по тому пути, на котором стоял с ранних лет, как до конца шёл он и по всем другим путям своей жизни. В аскетизм устремлялся он с той же неудержимостью, какую вносил в описание широты Днепра или очей албанки Аннунциаты. (…) Если вся жизнь Гоголя была мечтой, если всё в его творчестве было преувеличением, - то какое фантастическое видение, какая величественная гипербола его последние дни!»[2] Жизненный подвиг Гоголя в его собственном понимании также есть следствие изначальной предрасположенности личности к гиперболе, к действенности воображения – такова брюсовская интерпретация.

В Предисловии к первому изданию доклада В. Я. Брюсов отметил «резкие протесты части слушателей»[3] при чтении доклада и газетные отзывы о неуместности речи в дни юбилея. Это зафиксировано и в сборнике «Гоголевские дни в Москве»[4]. «Полагаю, - писал Брюсов, - что истинное чествование великого поэта состоит именно в изучении его произведений и во всесторонней оценке его личности. (…) Утверждать, что Гоголь был фантаст, что, несмотря на все свои порывания к точному воспроизведению действительности, он всегда оставался мечтателем, что и в жизни он увлекался иллюзиями, - не значит унижать Гоголя. Опровергая школьное мнение, будто Гоголь был последовательный реалист, я не тень бросал на Гоголя, но только пытался осветить его образ с иной стороны»[5].

Брюсов видит в Гоголе писателя-фантаста, основные черты творчества которого – «стремление к преувеличению, к гиперболе»[6], гиперболические карикатурность, шаржирование, далеко выходящие за пределы чисто сатирических приёмов. Гоголевский метод для Брюсова– тотальное художественное изменение, сущностное преобразование действительности в литературном произведении и силой именно *художественного качества*: «Да, Гоголь основывался на наблюдениях, на изучении, но всё доводил до «высшей степени», до «верха смешного», обращал в «неслыханное» и «нечеловеческое» »[7].

---

[1] «Весы», 1909, № 4. - С. 98-120.

[2] Здесь и далее цит. по: В.Я.Брюсов. Испепелённый. К характеристике Гоголя // Брюсов В. Я. Собр. соч. в 7-ми тт. – М.: Худож. лит., 1975.- Т.6. – С. 157-158

[3] Испепелённый, Предисловие…, с. 134

[4] Гоголевские дни в Москве. 1809-1909.. Общество любителей российской словесности. Сборник. – М., 1909. – С. 90.

[5] Испепелённый, Предисловие… с. 134 - 135

[6] Испепелённый, с. 136

[7] Испепелённый, с. 147

Вопреки интерпретации А. В. Лаврова в статье о Брюсове для биографического словаря «Русские писатели. 1800 - 1917»[8] («Б. выдвинул трактовку Гоголя как романтика и фантаста, склонного к гиперболизму», - пишет исследователь) термин «романтик» по отношению к Гоголю Брюсов не употребляет. Противопоставление у Брюсова идёт не по линии «реалист» - «романтик», а по линии «реалист» - «фантаст». Будучи «фантастом», Гоголь у Брюсова создаёт мир, имеющий весьма мало общего с внехудожественной реальностью и ни в коей мере не аналогичный ей. Идея «фантастики» оказывается теснейшим образом связана с идеей особости художественного мира, среды произведения, которую Брюсов высказывает в ряде статей и очень часто – в связи с вопросами специфики языка поэзии как языка, ни в коем случае не тождественного обыденному и общелитературному.

В XX веке писатели-фантасты показывали в своих произведениях возможности, так сказать, «типичного» - то есть естественно-человеческого – характера в нетипичных, то есть не имевших аналогов в наличной социально-предметной действительности, обстоятельствах, Эти «обстоятельства» с течением лет и со сменой читательских поколений перестают быть «нетипичными», поскольку мир меняется, и меняется примерно так, как предсказывали фантасты. Гоголевские «фантазмы», на которые указывает Брюсов, вряд ли могут воплотиться в обыденной жизни, пока сама она строится по законам трёхмерно-социальным, а не эсхатологическим, По Брюсову, у Гоголя качество, взятое в его абсолюте, реализуется в совершенно особой среде, созданной эманациями других столь же абсолютных качеств. Брюсов пишет о Гоголе: «Он изображает не то, что прекрасно по отношению к другому, но непременно абсолютную красоту, не то, что страшно при данных условиях, но то, что должно быть абсолютно страшно»[9]. И далее, по поводу гоголевского описания битвы казаков: «В какую эпоху совершаются эти героические деяния? - В Малороссии ХУ1 века или в мифические времена похода под Трою? Кто это рубит врагов надвое, один одолевает пятерых, в ужас приводит всех *нечеловеческим* криком? - запорожцы или герои Гомера, богоподобный Диомед, сын богини Ахилл, пастырь народов Агамемнон?»[10]

Итак, Гоголь «сотворил свой особенный мир и своих особенных людей, развивая до последнего предела то, что в действительности находил лишь в намёке»[11]. Здесь важны два элемента словоупотребления. «Намёк» - тяготеющее к термину и важнейшее для языковой теории и практики русского символизма понятие. В контексте доклада «Испепелённый» намёк трактуется как «нечто потенциальное, но не воплощённое в действительности до её преображения в художественном тексте». «Предел» - философское понятие, чрезвычайно важное для русской философии конца XIX – XX века. В своём словарном значении на момент рубежа XIX – XX вв., зафиксированном в словаре В. И. Даля («начало или конец, …грань, раздел, край, рубеж или граница; конец одного и начало другого; …степень, которую не должно нарушать»), оно употребляется В. В. Розановым, к размышлениям которого апеллирует Брюсов. Интересно, что Брюсов к концу первой части доклада отказывается от собственного понятия «абсолют» и, для того, чтобы охарактеризовать гиперболизацию Гоголя, те самые «высшую степень», «верх» всего, употребляет именно слово «предел». Однако есть и ещё один контекст: в философии русского экзистенциализма «предел» есть уже категория, знаменующая обратную перспективу эсхатологического пространства, в которой человеческое бытие совсем иное и сам человек обращается к себе как к пределу и одновременно началу себя, В этом ключе смена номинаций в «Испепелённом» чрезвычайно важна. Брюсов заканчивает доклад словами: «И такова была сила его (Гоголя. – В. К.) дарования, сила его творчества, что он не только дал жизнь этим вымыслам, но сделал их как бы реальнее

---

[8] Русские писатели, 1800 – 1917. Биографический словарь. – Т. 1. – М.: БСЭ, 1992. – С. 335.
[9] Испепелённый, с. 142
[10] там же, с. 142 - 143
[11] Испепелённый, с. 142

самой реальности, заставил ближайшие поколения забыть действительность, но помнить им созданную мечту»[12]. Подмена в потоке обыденного видения возможна лишь при наличии суггестии особой силы, как раз построенной на самореализации абсолюта или п р е д е л а – в любом, а особенно в художественном пространстве.

Своей трактовкой художественного метода Гоголя Брюсов вошёл в противоречие с обычаем, утверждённым русской культурно-исторической школой, пыпинианством, настаивавшем на канонизации Гоголя как именно и только писателя-реалиста. На заседаниях в Обществе любителей российской словесности А. Е. Грузинский, Е. Н. Трубецкой, А. И. Багалья, Ф. Е. Корш и другие трактовали Гоголя как реалиста, и лишь П. Н. Сакулин говорил и о фантастических элементах в творчестве писателя, и о его гиперболизме. Это выступление дало Брюсову повод обмолвиться чуть позже, в предисловии ко второму изданию «Испепелённого»: «я продолжаю думать, что мой «Испепелённый» имеет своё значение, как новая попытка осмыслить образ Гоголя, писателя и человека, хотя – замечу вскользь – моя точка зрения вовсе не так обособлена в русской литературе, как то хотели показать мои критики»[13].

Главную заслугу Гоголя-«реалиста» - создание поразительного образа современной ему русской действительности – Брюсов относит на счёт фантастического метода, благодаря которому «серенькая русская жизнь 30-х годов обратилась… в такой апофеоз пошлости, равного которому не может представить миру ни одна эпоха всемирной истории»[14].

В начале доклада В. Я. Брюсов ссылается на критические работы В. В. Розанова и Д. С. Мережковского как на основу своей концепции. Однако анализ обоих источников показал, что «Испепелённый» содержит в себе скрытую полемику не только с пыпинианством, но с интерпретацией Розанова и с идеей «нового религиозного сознания» в приложении к творчеству Гоголя. Так, Розанов, понимая Гоголя как родоначальника иронического направления в русской литературе, говорит о сформированном этим направлением особом типе психологического настроя общества, призме восприятия, принципе душевной жизни. Противопоставляя Гоголя Пушкину, философ приписывает именно Гоголю способность творить «второй мир поверх действительного и к этому второму миру… приспособить первый»[15]. Как раз в этом ключе Розанов говорит о мёртвой ткани гоголевской художественной речи: «Это восковой язык, в котором ничего не шевелится, ни одно слово не выдвигается вперёд и не хочет сказать больше, чем сказано во всех других. …Мы увидим всюду эту же мёртвую ткань языка, в которую обёрнуты все выведенные фигуры, как в свой общий саван. …Все они стоят неподвижно, с чертами, докуда довёл их автор, и не растут далее ни внутри себя, ни в душе читателя»[16]. Своеобразное давление гоголевского «мёртвого» языка формирует, по мнению Розанова, в среде его читателей чуть ли не особенность менталитета, основанную на психологии восприятия художественного текста: «непреодолимою преградой незабываемые фигуры Гоголя разъединили людей, заставляя их не стремиться друг к другу, но бежать друг от друга, не ютиться каждому около всех, но от всех и всякому удаляться. Его восторженная лирика, плод изнурённого воображения, сделала то, что всякий стал любить и уважать только свои мечты, в то же время чувствуя отвращение ко всему действительному, частному, индивидуальному. Всё живое не притягивает нас более, и от этого-то вся жизнь наша, наши характеры и замыслы, стали так полны фантастического»[17].

Более того: по мнению Розанова, мыслеформы воображённого и изображённого Гоголем мира стали воплощаться и в действительности из мыслеформ воспринявших их

---

[12] Испепелённый, с. 142
[13] В. Я. Брюсов. Собр. соч. в 7-ми тт. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 6. – С. 595
[14] Испепелённый, с. 137
[15] В. В. Розанов. Два этюда о Гоголе // Розанов В. В. Сочинения. – Л.: «Васильевский остров», 1990. – С. 8
[16] В. В. Розанов, Два этюда…, с. 11
[17] В. В. Розанов. Два этюда…, с. 13

читательских поколений. Ирония Гоголя и его «мёртвый» язык вошли в душу русского народа и предопределили ход национальной истории.

Ясно, что для Брюсова с его попытками обосновать самостоятельную природу поэтического языка как живого и самостоятельного организма, всё обстоит совершенно противоположным образом. Гоголь и его язык, его мир живы именно потому, что из слов языка силой собственного воображения писатель творит фантастический мир, эстетически – то есть в высочайшей степени чувственно – воспринимаемый читателем. Иной «жизни» для писателя нет и быть не может.

Так же обстоит дело и с другим «источником» брюсовского подхода к теме – именно с работой Д. С. Мережковского «Гоголь и чорт». Мережковский концептуализирует мистические основания творчества Гоголя, описывая его так, как можно описывать некое состояние или действие, - но не литературное произведение. Способ такого преображения действительности в словесный образ не раскрыт у Мережковского. Для него Гоголь находится в непосредственном диалоге с «чортом», с Чичиковым, с Хлестаковым. Творчество Гоголя – чертоборческий акт, Хлестаков/ Чичиков – двойной антиагент чуда Гоголя о «чорте». Сама внешность писателя трактована Мережковским как нечто ускользающее от человеческой оценки: «Это ещё что такое, и откуда это?» - вот первое, что приходит в голову при взгляде на лицо Гоголя среди обыкновенных, самых гениальных, но всё же человеческих лиц. «Птица», «карл», «демон», карикатура, призрак, что-то фантастическое, только не человек или, по крайней мере, не совсем человек»[18]. И далее: «И чем ближе подходят к нему люди, тем сильнее чувствуют в нём это страшно далёкое, чуждое, удивительное. к чему нельзя привыкнуть, и что в иные мгновения внушает самым близким друзьям его непонятную враждебность, смешанную со страхом и отвращением»[19]

Единственное место, где Мережковский говорит о гоголевском писательском методе, находится во втором разделе его исследования - «Жизнь и религия»: «Величайший реализм, меткость, точность слова: как будто оно не описывает, не изображает предмет, а само становится предметом, новым явлением, новою реальностью. И рядом с этим - фантастическая призрачность, неимоверные преувеличения, гиперболы, исполинский «громозд»»[20] Чуть ниже Мережковский уподобит гоголевское пристрастие к бесвкусным галстукам и жилетам злоупотреблениям в области гиперболы, а хлестаковские преувеличения - исполинским загробным страшилищам эпохи религиозного экстаза. Писательскую деятельность Гоголя в целом Мережковский трактует в том ключе, который вообще руководил его размышлениями о литературе – именно в духе нового религиозного сознания. Надо сказать, что этот идеологический и в значительной мере тенденциозный приём - некоторое подвёрстывание произведения писателя или особенно поэта под собственную систему осмысления мира -вообще свойствен представителям русской философии - и В. С. Соловьёву, и С. Н. Булгакову, и экзистенциалистам Н. А. Бердяеву или Л. Шестову, равно как и их последователям. Эстетическая критика, стремившаяся выводить содержательные характеристики произведения из его формальных характеристик и особенностей, на рубеже Х1Х и ХХ веков была не в почёте - и принадлежащий к этому направлению Брюсов ещё и поэтому подвергся таким нападкам во время торжественного заседания ОЛРС.

Тенденциозность подобного подхода заметна и в нашем случае: и Розанов, и Мережковский, не скованные узами необходимых филологических доказательств, в категорической форме утверждают о Гоголе как писателе каждый свою неоспоримую «истину» - один, что язык Гоголя «мёртвый», «восковой», другой, что Гоголю-писателю дано единым словом созидать и оживлять предметы.

---

[18] Д. С. Мережковский. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. – СПб., 1909. -- С. 103
[19] Д. С. Мережковский. Гоголь…, с. 103 - 104
[20] Д. С. Мережковский, Гоголь…, с. 103-104

Брюсовский подход совершенно иной, чем и у Мережковского. Он понимает писательство не как опору религиозного действа, а как самодостаточную и особую деятельность, направленную на создание художественного мира. Такая деятельность и это сознание - специфический для фигуры писателя подвиг, не нуждающийся ни в каких дополнительно харизматических усилиях со стороны социального действия. Доведённый до абсолюта литературный приём убивает так же, как суровый пост и намеренное иссушение плоти. Гоголь для Брюсова выстраивает свой литературный образ по тем же законам, что и литературные произведения, и именно доведённое до предела писательство убивает его. Трактуя Гоголя как поэт-символист, Брюсов тем не менее не подвёрстывает его ни под какую концепцию, но лишь интерпретирует его жизнь и творчество в терминах, органичных для русского символизма.

Доклад Брюсова при разнице в объёмах композиционно повторяет книгу Мережковского. Брюсов рассматривает те же фрагменты текста, что и Мережковский. Порой случаются почти дословные совпадения. Всё это позволяет предположить намеренность полемики с идеологом «нового религиозного сознания».

Сказанное позволяет сделать ряд выводов. Сталкиваясь с пыпинианством, В. Я. Брюсов посягает на харизму реалистического метода в русской литературе. Отталкиваясь от сочинений Розанова и Мережковского, – на харизму писательской личности и деятельности как мистического, религиозного феномена. Если Гоголь – реалист, то он бичует действительность; если мистик, то мечтает о непосредственном преобразовании жизни. Оба подхода для Брюсова неприемлемы: цель и предел писательства – самое писательство.

Сущность брюсовского подхода к произведениям Гоголя, как, впрочем, и к любым другим эстетическим созданиям, заключается в стремлении к оценке создания искусства критериями самого искусства, а не социальными факторами. Мечта русской литературы и философии Х1Х века - стать особым «делом», преобразующим жизнь или хотя бы служащим такому преобразованию, Брюсовым игнорируется, если порой и не профанируется вовсе.

Интересно, что трактовка гоголевской личности, воспринятая слушателями доклада как снижение её пафоса, у Брюсова соседствует с возвеличением именно литературной – а не карающей или провидческой – стороны творчества. Для Брюсова же, как известно, собственно эстетическая деятельность стоит превыше всего. Если Гоголь – прежде всего литератор, то он создаёт художественный образ, с помощью которого можно и бичевать, и преобразовывать действительность – но это дело читателя. Писательская прерогатива – свобода творения собственного мира, читательская – свобода чтения и прочтения.

Сегодня, говоря о Гоголе как о «фантастическом реалисте», мы не можем не вспомнить о брюсовском вкладе в формирование этого подхода. Боле того: трактуя Гоголя как фантаста, Брюсов утверждает реальность и реальную действенность созданий языка и воображения, которая по-своему определила характер становления эстетики и в целом гуманитарной науки истекшего столетия.

ИСПРАВЛЕННОЕ

Вера Владимировна Калмыкова (р. 1967 г.) – филолог, журналист. Окончила аспирантуру РГГУ (теоретическая и прикладная лингвистика), аспирантка факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова. Основная область профессионального интереса – творчество и личность В. Я. Брюсова, проблема поэтического языка как феномена. Среди ее работ: «Валерий Брюсов. Элули, сын Элули.» (Вступительная статья, подготовка текста) - Путешественник, № 4, 1998 г.; «Андрей Соболь. Паноптикум.» (Вступительная статья, подготовка текста и примечания) - Октябрь, 1998, № 2; «А. С. Грибоедов. Пособие для поступающих в вузы» (в соавторстве) - М., СГУ, 1997 - 1999 гг.

Работа В. Я. Брюсова «Испепеленный. К характеристике Гоголя» (1909 г.) – серьезная веха развития науки о творчестве Н. В. Гоголя. Статья была воспринята критиками той эпохи, с одной стороны, сочувственно, но также, с другой стороны, подверглась категорическому осуждению. Брюсовская трактовка художественного метода Н.В.Гоголя продолжала линию Ап. Григорьева – А. А. Потебни и во многом повлияла на изменение восприятия гоголевского творчества в читательской среде XX в.

Вера Калмыкова

В. Я. БРЮСОВ, «ИСПЕПЕЛЁННЫЙ. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОГОЛЯ»: ЯЗЫК ОПИСАНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ ОПИСЫВАЕМОГО

Доклад Валерия Яковлевича Брюсова «Испепелённый. К характеристике Гоголя» был впервые прочитан на торжественном заседании Общества любителей российской словесности (апрель 1909 г.), посвящённом дням Гоголя в Москве, а позже напечатан отдельной статьей (1) и затем опубликован в 1909 и 1910 годах.

Доклад состоял из двух частей. В первой доказывалось, что художественный метод Н.В. Гоголя не предполагает точного воспроизведения действительности, во второй – что Гоголь в жизни был склонен к гиперболизации всего с ним происходящего и что эта особенность, в конечном счёте, приблизила его кончину. Жизнью и творчеством Гоголя равно управляла, по Брюсову, единственная сила – сила воображения, являвшаяся и креативной (в творческом плане) и деструктивной (в жизненном). Брюсов трактует Гоголя – творца и человека – по жизнетворческой модели, органичной для литераторов рубежа XIX – XX веков. «В мистической экзальтации Гоголь только шёл до конца по тому пути, на котором стоял с ранних лет, как до конца шёл он и по всем другим путям своей жизни. В аскетизм устремлялся он с той же неудержимостью, какую вносил в описание широты Днепра или очей албанки Аннунциаты. (…) Если вся жизнь Гоголя была мечтой, если всё в его творчестве было преувеличением, - то какое фантастическое видение, какая величественная гипербола его последние дни!» (2). Жизненный подвиг Гоголя в его собственном понимании также есть следствие изначальной предрасположенности личности к гиперболе, к действенности воображения – такова брюсовская интерпретация.

В Предисловии к первому изданию доклада В. Я. Брюсов отметил «резкие протесты части слушателей» (3) при чтении доклада и газетные отзывы о неуместности речи в дни юбилея. Это зафиксировано и в сборнике «Гоголевские дни в Москве» (4). «Полагаю, - писал Брюсов, - что истинное чествование великого поэта состоит именно в изучении его произведений и во всесторонней оценке его личности. (…) Утверждать, что Гоголь был фантаст, что, несмотря на все свои порывания к точному воспроизведению действительности, он всегда оставался мечтателем, что и в жизни он увлекался иллюзиями, - не значит унижать Гоголя. Опровергая школьное мнение, будто Гоголь был последовательный реалист, я не тень бросал на Гоголя, но только пытался осветить его образ с иной стороны» (5).

Брюсов видит в Гоголе писателя-фантаста, основные черты творчества которого – «*стремление к преувеличению, к гиперболе*» (6), гиперболические карикатурность, шаржирование, далеко выходящие за пределы чисто сатирических приёмов. Гоголевский метод для Брюсова – тотальное художественное изменение, сущностное преобразование действительности в литературном произведении и силой именно *художественного качества*: «Да, Гоголь основывался на наблюдениях, на изучении, но всё доводил до «высшей степени», до «верха смешного», обращал в «неслыханное» и «нечеловеческое» » (7).

Вопреки интерпретации А. В. Лаврова в статье о Брюсове для биографического словаря «Русские писатели. 1800 - 1917» (8) («Б. выдвинул трактовку Гоголя как романтика и фантаста, склонного к гиперболизму», - пишет исследователь) термин «романтик» по отношению к Гоголю Брюсов не употребляет. Противопоставление у Брюсова идёт не по линии «реалист» - «романтик», а по линии «реалист» - «фантаст». Будучи «фантастом», Гоголь, как считает Брюсов, создаёт мир, имеющий весьма мало общего с внехудожественной реальностью и ни в коей мере не аналогичный ей. Идея «фантастики» оказывается теснейшим образом связана с идеей особости художественного мира, среды произведения, которую Брюсов высказывает в ряде статей и очень часто – в связи с вопросами специфики языка поэзии как языка, ни в коем случае не тождественного обыденному и общелитературному.

В XX веке писатели-фантасты показывали в своих произведениях возможности, так сказать, «типичного» - то есть естественно-человеческого – характера в нетипичных, то есть не имевших аналогов в наличной социально-предметной действительности, обстоятельствах, Эти «обстоятельства» с течением лет и со сменой читательских поколений перестают быть «нетипичными», поскольку мир меняется, и меняется примерно так, как предсказывали фантасты. Гоголевские «фантазмы», на которые указывает Брюсов, вряд ли могут воплотиться в обыденной жизни, пока сама она строится по законам трёхмерно-социальным, а не эсхатологическим. По Брюсову, у Гоголя качество, взятое в его абсолюте, реализуется в совершенно особой среде, созданной эманациями других столь же абсолютных качеств. Брюсов пишет о Гоголе: «Он изображает не то, что прекрасно по отношению к другому, но непременно абсолютную красоту; не то, что страшно при данных условиях, но то, что должно быть абсолютно страшно» (9). И далее, по поводу гоголевского описания битвы казаков под стенами Дубно: «В какую эпоху совершаются эти героические деяния? - В Малороссии ХУ1 века или в мифические времена похода под Трою? Кто это рубит врагов надвое, один одолевает пятерых, в ужас приводит всех *нечеловеческим* криком? - запорожцы или герои Гомера, богоподобный Диомед, сын богини Ахилл, пастырь народов Агамемнон?» (10).

Итак, Гоголь «...сотворил свой особенный мир и своих особенных людей, развивая до последнего предела то, что в действительности находил лишь в намёке» (11). Здесь важны два элемента словоупотребления. «Намёк» - тяготеющее к термину и важнейшее для языковой теории и практики русского символизма понятие. В контексте доклада «Испепелённый» намёк трактуется как «нечто потенциальное, но не воплощённое в действительности до её преображения в художественном тексте». «Предел» - философское понятие, чрезвычайно важное для русской философии конца XIX – XX века. В своём словарном значении на момент рубежа XIX – XX вв., зафиксированном в словаре В. И. Даля («начало или конец, …грань, раздел, край, рубеж или граница; конец одного и начало другого; …степень, которую не должно нарушать»), оно употребляется В. В. Розановым, к размышлениям которого апеллирует Брюсов. Интересно, что Брюсов к концу первой части доклада отказывается от собственного понятия «абсолют» и, для того, чтобы охарактеризовать гиперболизацию Гоголя, те самые «высшую степень», «верх» всего, употребляет именно слово «предел». Однако есть и ещё один контекст: в философии русского экзистенциализма «предел» есть уже категория, знаменующая обратную перспективу эсхатологического пространства, в которой человеческое бытие совсем иное и сам человек обращается к себе как к пределу и одновременно началу себя, В этом ключе смена номинаций в «Испепелённом» чрезвычайно важна. Брюсов заканчивает доклад словами: «И такова была сила его (Гоголя. – В. К.) дарования, сила его творчества, что он не только дал жизнь этим вымыслам, но сделал их как бы реальнее самой реальности, заставил ближайшие поколения забыть действительность, но помнить им созданную мечту» (12). Подмена в потоке обыденного видения возможна лишь при наличии суггестии особой силы, как раз построенной на самореализации абсолюта или п р е д е л а – в любом, а особенно в художественном пространстве.

Своей трактовкой художественного метода Гоголя Брюсов вошёл в противоречие с обычаем, утверждённым русской культурно-исторической школой, пыпинианством, настаивавшем на канонизации Гоголя как именно и только писателя-реалиста. На заседаниях в Обществе любителей российской словесности А. Е. Грузинский, Е. Н. Трубецкой, А. И. Багалья, Ф. Е. Корш и другие трактовали Гоголя как реалиста, и лишь П. Н. Сакулин говорил и о фантастических элементах в творчестве писателя, и о его гиперболизме. Это выступление дало Брюсову повод обмолвиться чуть позже, в предисловии ко второму изданию «Испепелённого»: «...я продолжаю думать, что мой «Испепелённый» имеет своё значение, как новая попытка осмыслить образ Гоголя, писателя и человека, хотя – замечу вскользь – моя точка зрения вовсе не так обособленна в русской литературе, как то хотели показать мои критики» (13).

Главную заслугу Гоголя-«реалиста» - создание поразительного образа современной ему русской действительности – Брюсов относит на счёт фантастического метода, благодаря которому «серенькая русская жизнь 30-х годов обратилась (…) в такой апофеоз пошлости, равного которому не может представить миру ни одна эпоха всемирной истории» (14).

В начале доклада В. Я. Брюсов ссылается на критические работы В. В. Розанова и Д. С. Мережковского как на основу своей концепции. Однако анализ обоих источников показал, что «Испепелённый» содержит в себе скрытую полемику не только с пыпинианством, но с интерпретацией Розанова и с идеей «нового религиозного сознания» в приложении к творчеству Гоголя. Так, Розанов, понимая Гоголя как родоначальника иронического направления в русской литературе, говорит о сформированном этим направлением особом типе психологического настроя общества, призме восприятия, принципе душевной жизни. Противопоставляя Гоголя Пушкину, философ приписывает именно Гоголю способность творить «второй мир поверх действительного и к этому второму миру (…) приспособить первый» (15). Как раз в этом ключе Розанов говорит о мёртвой ткани гоголевской художественной речи: «Это восковой язык, в котором ничего не шевелится, ни одно слово не выдвигается вперёд и не хочет сказать больше, чем сказано во всех других. (…) Мы увидим всюду эту же мёртвую ткань языка, в которую обёрнуты все выведенные фигуры, как в свой общий саван. …Все они стоят неподвижно, с чертами, докуда довёл их автор, и не растут далее ни внутри себя, ни в душе читателя» (16). Своеобразное давление гоголевского «мёртвого» языка формирует, по мнению Розанова, в среде его читателей чуть ли не особенность менталитета, основанную на психологии восприятия художественного текста: «непреодолимою преградой незабываемые фигуры Гоголя разъединили людей, заставляя их не стремиться друг к другу, но бежать друг от друга, не ютиться каждому около всех, но от всех и всякому удаляться. Его восторженная лирика, плод изнурённого воображения, сделала то, что всякий стал любить и уважать только свои мечты, в то же время чувствуя отвращение ко всему действительному, частному, индивидуальному. Всё живое не притягивает нас более, и от этого-то вся жизнь наша, наши характеры и замыслы, стали так полны фантастического» (17).

Более того: по мнению Розанова, мыслеформы воображённого и изображённого Гоголем мира стали воплощаться и в действительности из мыслеформ воспринявших их читательских поколений. Ирония Гоголя и его «мёртвый» язык вошли в душу русского народа и предопределили ход национальной истории.

Ясно, что для Брюсова с его попытками обосновать самостоятельную природу поэтического языка как живого и самостоятельного организма, всё обстоит совершенно противоположным образом. Гоголь и его язык, его мир живы именно потому, что из слов языка силой собственного воображения писатель творит фантастический мир, эстетически – то есть в высочайшей степени чувственно – воспринимаемый читателем. Иной «жизни» для писателя нет и быть не может.

Так же обстоит дело и с другим «источником» брюсовского подхода к теме – именно с работой Д. С. Мережковского «Гоголь и чорт». Мережковский концептуализирует мистические основания творчества Гоголя, описывая его так, как можно описывать некое состояние или действие, - но не литературное произведение. Способ такого преображения действительности в словесный образ не раскрыт у Мережковского. Для него Гоголь находится в непосредственном диалоге с «чортом», с Чичиковым, с Хлестаковым. Творчество Гоголя – чертоборческий акт, Хлестаков/ Чичиков – двойной антиагент чуда Гоголя о «чорте». Сама внешность писателя трактована Мережковским как нечто ускользающее от человеческой оценки: «Это ещё что такое, и откуда это?» - вот первое, что приходит в голову при взгляде на лицо Гоголя среди обыкновенных, самых гениальных, но всё же человеческих лиц. «Птица», «карл», «демон», карикатура, призрак, что-то фантастическое, только не человек или, по крайней мере, не совсем человек» (18). И далее: «И чем ближе подходят к нему люди, тем сильнее чувствуют в нём это страшно далёкое, чуждое, удивительное. к чему нельзя привыкнуть, и что в иные мгновения внушает самым близким друзьям его непонятную враждебность, смешанную со страхом и отвращением» (19).

Единственное место, где Мережковский говорит о гоголевском писательском методе, находится во втором разделе его исследования - «Жизнь и религия»: «Величайший реализм, меткость, точность слова: как будто оно не описывает, не изображает предмет, а само становится предметом, новым явлением, новою реальностью. И рядом с этим - фантастическая призрачность, неимоверные преувеличения, гиперболы, исполинский «громозд»» (20). Чуть ниже Мережковский уподобит гоголевское пристрастие к бесвкусным галстукам и жилетам злоупотреблениям в области гиперболы, а хлестаковские преувеличения - исполинским загробным страшилищам эпохи религиозного экстаза. Писательскую деятельность Гоголя в целом Мережковский трактует в том ключе, который вообще руководил его размышлениями о литературе – именно в духе нового религиозного сознания. Надо сказать, что этот идеологический и в значительной мере тенденциозный приём - некоторое подвёрстывание произведения писателя или особенно поэта под собственную систему осмысления мира -вообще свойствен представителям русской философии - и В. С. Соловьёву, и С. Н. Булгакову, и экзистенциалистам Н. Бердяеву или Л. Шестову, равно как и их последователям. Эстетическая критика, стремившаяся выводить содержательные характеристики произведения из его формальных характеристик и особенностей, на рубеже Х1Х и ХХ веков была не в почёте - и принадлежащий к этому направлению Брюсов ещё и поэтому подвергся таким нападкам во время торжественного заседания Общества любителей российской словесности.

Тенденциозность подобного подхода заметна и в нашем случае: и Розанов, и Мережковский, не скованные узами необходимых филологических доказательств, в категорической форме утверждают о Гоголе как писателе каждый свою неоспоримую «истину» - один, что язык Гоголя «мёртвый», «восковой», другой, что Гоголю-писателю дано единым словом созидать и оживлять предметы.

Брюсовский подход совершенно иной, чем и у Мережковского. Он понимает писательство не как опору религиозного действа, а как самодостаточную и особую деятельность, направленную на создание художественного мира. Такая деятельность и это сознание - специфический для фигуры писателя подвиг, не нуждающийся ни в каких дополнительно харизматических усилиях со стороны социального действия. Доведённый до абсолюта литературный приём убивает так же, как суровый пост и намеренное иссушение плоти. Гоголь для Брюсова выстраивает свой литературный образ по тем же законам, что и литературные произведения, и именно доведённое до предела писательство убивает его. Трактуя Гоголя как поэт-символист, Брюсов тем не менее не подвёрстывает его ни под какую концепцию, но лишь интерпретирует его жизнь и творчество в терминах, органичных для русского символизма.

Доклад Брюсова при разнице в объёмах композиционно повторяет книгу Мережковского. Брюсов рассматривает те же фрагменты текста, что и Мережковский. Порой случаются почти дословные совпадения. Всё это позволяет предположить намеренность полемики с идеологом «нового религиозного сознания».

Сказанное позволяет сделать ряд выводов. Сталкиваясь с пыпинианством, В. Я. Брюсов посягает на харизму реалистического метода в русской литературе. Отталкиваясь от сочинений Розанова и Мережковского, – на харизму писательской личности и деятельности как мистического, религиозного феномена. Если Гоголь – реалист, то он бичует действительность; если мистик, то мечтает о непосредственном преобразовании жизни. Оба подхода для Брюсова неприемлемы: цель и предел писательства – самое писательство.

Сущность брюсовского подхода к произведениям Гоголя, как, впрочем, и к любым другим эстетическим созданиям, заключается в стремлении к оценке создания искусства критериями самого искусства, а не социальными факторами. Мечта русской литературы и философии Х1Х века - стать особым «делом», преобразующим жизнь или хотя бы служащим такому преобразованию, Брюсовым игнорируется, если порой и не профанируется вовсе.

Интересно, что трактовка гоголевской личности, воспринятая слушателями доклада как снижение её пафоса, у Брюсова соседствует с возвеличением именно литературной – а не карающей или провидческой – стороны творчества. Для Брюсова же, как известно, собственно эстетическая деятельность стоит превыше всего. Если Гоголь – прежде всего литератор, то он создаёт художественный образ, с помощью которого можно и бичевать, и преобразовывать действительность – но это дело читателя. Писательская прерогатива – свобода творения собственного мира, читательская – свобода чтения и прочтения.

Сегодня, говоря о Гоголе как о «фантастическом реалисте», мы не можем не вспомнить о брюсовском вкладе в формирование этого подхода. Боле того: трактуя Гоголя как фантаста, Брюсов утверждает реальность и реальную действенность созданий языка и воображения, которая по-своему определила характер становления эстетики и в целом гуманитарной науки истекшего столетия.

СНОСКИ:

1.«Весы», 1909, № 4. - С. 98-120.
2. Здесь и далее цит. по: В.Я.Брюсов. Испепелённый. К характеристике Гоголя // Брюсов В. Я. Собр. соч. в 7-ми тт. – М.: Худож. лит., 1975.- Т.6. С. 134-159. Данная цитата - стр.157-158.
3. Испепеленный... С. 134.
4. Гоголевские дни в Москве. 1809-1909.. Общество любителей российской словесности. Сборник. – М., 1909.С. 90.
5. Испепелённый... С. 134 - 135.
6. Испепелённый... С. 136.
7. Испепелённый... С. 147.
8. Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Т. 1. – М.: БСЭ, 1992. С. 335.
9. Испепелённый... С. 142.
10. Испепеленный... С. 142 - 143.
11. Испепелённый... С. 147.
12. Испепелённый... С. 147.
13. В. Я. Брюсов. Собр. соч. в 7-ми тт. – М.: Худож. лит., 1975. – Т. 6. С. 595.
14. Испепелённый... С. 137.
15. В. В. Розанов. Два этюда о Гоголе // Розанов В. В. Сочинения. – Л.: «Васильевский остров», 1990. С. 8.
16. То же. С. 11.
17. То же. С. 13.
18. Д. С. Мережковский. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. – СПб., 1909. С. 103 .
19. То же. С. 103 - 104.
20.То же. С. 103-104.